

О. А. Богданова

НИУ ВШЭ, Москва, Россия. otheodoridi@yandex.ru

Я. Л. Забудская

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия / Совместный Университет
МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная республика. yanazabud@mail.ru

«ПРОМЫШЛЕНИЕ» И ПРОРОЧЕСКИЙ ДАР ПРОМЕТЕЯ

Мифологема Прометея представляет собой комплекс противоречивых представлений, что можно объяснить различием целей, которым служит миф в зависимости от жанра (эпос — драма — философская проза), эпохи (архаика, классика или эллинизм), а также спецификой этимологии имени. У Гесиода Прометей скорее хитрый, чем мудрый. Мотив пророческого дара появляется в «Прикованном Прометее» и раскрывается непоследовательно, так как находится в стадии формирования и подчиняется логике развития сюжета драмы. В схолиях попытки аллегорического толкования образа сочетаются со стремлением связать имена Прометея и Эпиметея с «ментальным» значением, возможно, представляющим собой пример позднейшего осмысления догреческого мифа.

Ключевые слова: мифологема, эпос, драма, схолии, Прометей/Эпиметей, этимология, ментальная лексика.

O. A. Bogdanova

IOCS HSE University, Moscow, Russia. otheodoridi@yandex.ru

Y. L. Zabudskaya

Moscow State University / Shenzhen MSU-BIT University, the People's Republic
of China. yanazabud@mail.ru

«FORESIGHT» AND THE PROPHETIC GIFT OF PROMETHEUS

The mythologeme of Prometheus is a contradictory set of ideas that combine several plot elements, various functions of the hero's figure and a diverse moral and ethical assessment of this figure by the authors who turned to the plot. This can be explained by the difference in the goals that myth serves depending on the genre (epic — drama — philosophical prose), era (archaic, classical or Hellenistic), as well as the specificity of the etymology of the name. The "cognitive" element of Prometheus' mythologeme turns out to be relevant and actively developing precisely because of its novelty in Greek culture. In Hesiod, Prometheus is more cunning than wise, and his "foresight" comes through only against the background of the "non-wisdom" of Epimetheus. The motif of the prophetic gift appears in Prometheus Bound and is revealed inconsistently both in relation to the prophecies of Prometheus himself and in relation to

the skills he bestows on people. This proves that ideas about the hero's prophetic gift are in the process of formation and obey the logic of the development of the plot of the drama, and possibly the whole trilogy. The motive of the prophetic gift is necessary to the tragedian in order to justify the future reconciliation of Prometheus and Zeus. In Plato, one can find an understanding of both (epic and tragic) literary versions of the myth. In the scholia, the lexical opposition of the brothers as "knowing in advance" and "realizing after" is formed, perhaps an example of a later understanding of the pre-Greek myth. We also see an attempt at an allegorical interpretation, where the images of Prometheus and Epimetheus are interpreted as symbols of the duality of mind. An analysis of the scholia suggests that behind a common plot we can see a complex of religious and mythological traditions, reflected in literature only partially.

Key words: mythologeme, epic, drama, scholia, Prometheus/Epimetheus, etymology, lexics of mental activity

Как и большинство других образов греческой мифологии, образ Прометея представляет собой сложный комплекс представлений, объединяющих несколько сюжетных элементов, различные функции фигуры героя и разнообразную морально-этическую оценку этой фигуры авторами, обратившимися к сюжету. Подобный комплекс иногда называют мифологемой¹, и эта совокупность сюжетов и интерпретаций чаще всего оказывается противоречивой в отношении отдельных своих элементов. Объяснить это нетрудно: миф служит разным целям в зависимости от жанра (эпос — драма — философская проза), эпохи (архаика или эллинизм) и личности автора. Мифологема Прометея² — одна из самых противоречивых, хотя традицион-

¹ Термин «мифологема» введен в работе К. Г. Юнга и К. Кереньи «Введение в сущность мифологии» (1941) (Yung, Kerényi 1997: 13). Заметим, что мифологема — термин неоднозначный: она рассматривается и как синоним архетипа (применительно к мифологическому материалу), и как конкретное литературное воплощение универсального архетипа; мифологема может быть универсальной, т. е. охватывать все версии и толкования мифа, и авторской — т. е. отражать только те элементы, которые соответствуют картине мира автора.

² Аспекты мифа о Прометее рассматриваются в работах Кереньи (Kerényi 2021) и Догерти (Dougherty 2006), а также в соответствующей главе книги А. Ф. Лосева (Losev 1995: 190–262); проблемы драматической интерпретации сюжета о Прометее, к которым неоднократно обращались многие ученые (Herington 1970; Griffith 1977; West 1979; 1990) обобщены и проанализированы в работе В. Т. Мусбаховой (Musbahova 2013).

ный набор ее элементов достаточно очевиден: противостояние с Зевсом, похищение огня, скала и орел. Внутри этих элементов достаточно противоречий самого разного свойства: уже у Гесиода — не скала, а колонна³, а географическое расположение предполагаемого места наказания Прометея остается предметом дискуссий; похищение огня описывается по-разному; орла, несмотря на наличие вазовых изображений, довольно рано начинают толковать аллегорически⁴. Да и список «деяний» Прометея при внимательном рассмотрении оказывается значительно шире: он и создатель ремесел⁵, и устроитель жертвоприношений⁶, и, наконец, прародитель рода человеческого⁷.

Отдельным пунктом можно отметить «провидение», «промышление» Прометея, обусловленное традиционной трактовкой этимологии этого теонима и однокоренных с ним слов: Прометей — «знающий наперед», *προ-* и *μηθ-/μαθ-* или *μηδ-* (из **mādh* (Chantraine: 664), **mendh* (Pokorny: 1969), или **meə₂-dh* (Chantraine: 942)). Этимологию с *μηδ-* дают уже схолии: в кодексе Медичи, сохранившем, как считается, самые древние схолии к Эсхилу (Herington 1972: 34, 36–42), говорится: «*Προμηθεὺς γὰρ ἔστιν ὁ προορῶν τὰ μῆδεια*», и указывается на изменение *δ* на *θ* (Herington 1972: 85).

Часто эта особенность Прометея рассматривается в сопоставлении и противопоставлении с именем Эпиметея, который, в отличие от брата, «узнает после» (напр.: Kerényi 2021: 59). Провести эту линию можно от Гесиода (у Гомера Прометей не упоминается), назвавшего в «Теогонии» (510–511) Прометея

³ «*δεσμοῖς ἀργαλέοισι μέσον διὰ κίον'*» («Теогония», ст. 521–534).

⁴ Диодор Сицилийский (I 19 1–3) толкует Прометея как обожествленную личность египетского царя, Орла — как разлив Нила, а действия Геракла — как принуждение Нила возвратиться в свои берега. Впрочем, А. Ф. Лосев считает это толкование «бездарным» и не соответствующим символизму образа Прометея (Losev 1995: 199).

⁵ Эсхил, «Прометей Прикованный» (457–470; 476–505)

⁶ Plin. *H.N.*, VII, 209: *Prometheus borem primus occidit*.

⁷ В баснях Эзопа (102, 228, 229) и «Метаморфозах» Овидия (I 82–88). Этот аспект мифа оспаривают схолии (к ст. 158 «Трудов и дней» ср. Petrusi 1955): от первой женщины, Пандоры, и Эпиметея родились Девкалион и Пирра. Неверно говорят, что людей создал Прометей. *ἔστω δὲ ἡ ἀρχὴ τῆς ἡρωϊκῆς γενεαλογίας αὐτῆ· ἐπλάσθη τοίνυν πρώτη, κατὰ ἕτερον πραγματικὸν μῦθον, ἡ Πανδώρα, ἣν ἔγχευεν Ἐπιμηθεύς, ἐξ ὧν Δευκαλίων καὶ Πύρρα. ἀλόγως δὲ λέγουσιν ὅτι Προμηθεὺς ἀνθρώπους ἐπλασεν ...*

ποικίλον αἰολόμητιν «изворотливый хитроумец», а Эпиметей ἀμαρτίνοον «ошибающийся умом», т. е. «неверно мыслящий». Однако, если эти характеристики и мыслятся как антитеза, в них явно отсутствует попытка осмысления пространственно-временной коннотации про- и ἐπι-. Отчетливой она проступает в схолиях (Di Gregorio 1975: 510b, ad. loc.): Эпиметей ἀμαρτίνοον, так как ἀπρόνοητον «непредусмотрительный»), а вся его история — иллюстрация к гомеровской сентенции (P 32, Y 198) ῥεχθὲν δέ τε νῆπιος ἔγνω «случившееся поймет и глупец». Этой же цитатой из Гомера сопровождается противопоставление Прометей и Эпиметей в схолии к «Трудам и дням» (Hes. *Op.* 89, ср. Petrusi 1955), а в схолиях к Гомеру в комментарии на соответствующую строку в качестве иллюстрации приводится пример Прометей и Эпиметей (не единственный, но показательный случай «перекрестной ссылки» в коллекциях схолиев). При этом в поэме «Труды и дни» неразумие Эпиметей заключается скорее в забывчивости, чем в непредусмотрительности: он забыл, что брат Прометей советовал ему не принимать от Зевса никакого дара, и взял в качестве дара Пандору, а понял, что сделал, только когда плохое уже случилось: «οὐδ' Ἐπιμηθεὺς ἐφράσαθ'... ὅτε δὴ κακὸν εἶχ', ἐνόησεν» (ст. 86–87, 89)⁸. Чуть раньше, в сх. к ст. 84 «Трудов и дней» комментатор говорит о том, что и Эпиметей — это божество, отвечающее за размыш-

⁸ Любопытно, что позднее Евстафий Фессалоникийский, комментируя *Il.* V, 669, где говорится о том, как Одиссей размышляет, что лучше — настичь ли раненого Сарпедона или напасть и поразить множество ликийян, приводит Прометей и Эпиметей как пример двух способов размышления, и рассматривает глаголы двояким образом: можно говорить о том, что «ἐπιφράζω» означает принять решение, потратив время на понимание, а «νοέω» означает понимание, которое не связано с процессом размышления и тратой времени на понимание; а можно различать эти глаголы иначе (с точки зрения других критериев, как Прометей и Эпиметей): прогнозирование — это νοῆσαι, а видение в ретроспективе — ἐπιφράσασθαι: Ἐπιφράσασθαι μὲν γάρ τὸ βουλευσασθαι καὶ χρόνον τινὰ τρῖναι τῇ καταλήψει, νοῆσαι δὲ τὸ δίχα βουλῆς ἀχρόνως οἷον τὸ δέον καταλαβεῖν, οἷον «νόησε δὲ διὸς Ὀδυσσεύς», ὃ μετ' ὀλίγα «ὄξυ νόησε» φησὶν ἐπὶ Ἑκτορος. Ἡ καὶ ἄλλως διαφέρει τὸ νοῆσαι τοῦ ἐπιφράσασθαι ὃ λόγῳ καὶ Προμηθεὺς καὶ Ἐπιμηθεὺς, ὡς προηγεῖσθαι μὲν τὸ νοῆσαι, δευτερεύειν δὲ τὸ ἐπιφράσασθαι, εἰ καὶ ὁ ποιητὴς ἄλλως κατὰ ὑστερολογίαν ἐσχημάτισεν. (v. 656 s. (Valk 1976)).

ление на основе случившегося и обращения к прошлому⁹, а не за предусмотрительность в отношении грядущего, как Прометей («θεός τις ἐστὶ καὶ οὗτος λογισμοῦ μὲν αἴτιος, ἀλλ' οὐ τοῦ προνοητικοῦ τῶν ἐκβησομένων, ὡς ὁ Προμηθεύς, ἀλλ' ἐκείνου τοῦ μόλις ἐκ τῶν ἀποβάντων πρὸς ἑαυτὸν ἐπιστρέφοντος»).

Интересно, что Прометей Гесиода не демонстрирует никакого специфического «провидения», кроме предупреждения Эпиметею не брать себе Пандору. Иными словами, пророческого дара у Прометея в тексте Гесиода нет. Есть скорее способность прогнозировать, к чему может привести то или иное событие¹⁰.

«Прозорливость» Прометея обретает конкретизацию у Эсхила. Круг благодеяний Прометея значительно расширен — это не только огонь, но и интеллектуальное развитие в целом: астрономия, математика, письменность, ремесло, прорицания, медицина; изобретение упряжи, повозок и кораблей. Мотив пророческого дара Прометея в трагедии Эсхила звучит неоднократно, являя собой пример техники лейтмотивов, свойственной поэтике Эсхила (Yarho 1989: 491). В самом начале драмы Сила говорит, как о чем-то само собой разумеющемся, о

⁹ Специфическое значение имени Эпиметея осмысливается и у Пиндара (Pind. *Pu.* 5): победитель вернулся домой, и Пиндар образно пишет, что он принес домой не оправдание (почему не победил), а победу, и это оправдание, которое могло бы быть принесено, названо дочерью позднего умом Эпиметея («ὄς οὐ τὰν Ἐπιμηθέος ἄγων / ὀψινόου θυγατέρα Πρόφασιν Βαττιδᾶν/ἀφίκετο δόμους θεμισκρεόντων»). В схолии к Pind. *Pu.* 5, 27 (Drachmann 1903–1927) комментатор, поясняя поэтический образ, пишет, что Эпиметей неразумен и учится от уже случившихся несчастий и страданий, о которых сожалеет, а его брат Прометей и мудр, и предусмотрителен, поэтому и имя его происходит от глагола «знать наперед» («ὅτι Ἐπιμηθέως θυγατέρα τὴν πρόφασιν εἶρηκε. παρεῖσηται δὲ ὁ Ἐπιμηθεὺς ἀνόητος καὶ ἀπὸ τῶν ἀποβαινόντων συμπτώματων καὶ παθῶν διδασκόμενος τὰ ἀσύμφορα καὶ μεταμελόμενος, ὁ δὲ τούτου ἀδελφὸς Προμηθεὺς καὶ σοφὸς καὶ προορώμενος· διὸ καὶ τοῦνομα ἀπὸ τοῦ προμαθεῖν ἔσχε»).

¹⁰ Возможно, предупреждение Эпиметею, в свете богоборчества Прометея и противостояния с Зевсом, является ничем иным, как одной из иллюстраций к теме о том, что дар соперника не принесет владельцу ничего хорошего.

«промышлении» Прометея, выраженном в его имени¹¹, но ошибочно:

85 ψευδωνύμως σε δαίμονες Προμηθέα
καλοῦσιν: αὐτὸν γάρ σε δεῖ προμηθέως

Будто в ответ Прометей в начале своего монолога утверждает, что знает все будущее наперед и ничего от него не скрыто: 102 πάντα προῤεπίσταμαι¹² / σκεθρῶς τὰ μέλλοντ', οὐδέ μοι ποταίνιον/ πῆμ' οὐδὲν ἤξει. Чуть дальше, правда, оказывается, что, зная о предстоящем наказании (267 ἐγὼ δὲ ταῦθ' ἅπαντ' ἠπιστάμην)¹³, Прометей все же не предвидел, каким именно оно будет (270 οὐ μὴν τι ποιναῖς γ' ὥομην τοίασί με/ κατισχανεῖσθαι).

Далее, уже в диалоге с корифеем, когда речь заходит о благодеяниях, оказанных Прометеем человечеству, звучит не совсем понятная фраза: 250 θνητούς γ' ἔλαυσα μὴ προδέρκεσθαι μόρον. Обычно ее толкуют как «избавил смертных от предвиденья» (перевод А. Пиотровского; в переводе С. А. Апта «Еще у смертных отнял дар предвиденья»; это толкование поддерживается и переводами на других языках¹⁴). Опорой для переводчиков является «Горгий» Платона (523 d-e): 'παυστέον ἐστὶν

¹¹ На это схолий объясняет, что имя Прометея означает «предвидящий будущее (προνοητής ὢν τῶν μελλόντων; а схолий в кодексе Медичи, как уже было сказано, дает этимологию προορῶν τὰ μηδεῖα).

¹² Сам глагол представляет собой гапакс и встречается только у Эхила и в схолиях к нему, а родственный ему «προεπίσταμαι» по одному разу используют Исократ, Ксенофонт, Платон и 4 раза Аристотель.

¹³ Заметим, что и предвидение наказания за нарушение воли верховного божества — скорее просто способность видеть причинно-следственные связи, чем особый пророческий дар.

¹⁴ Например: Yes, I caused mortals to cease foreseeing their doom (Smyth 1926); True, mortals I made cease foreseeing fate (Thoreau 2015); J'ai mis fin aux terreurs que l'attente du trépas inspirait aux mortels. (Pierron 1868) В «каноническом» для английской культуры переводе Маррея (Murray 1931) дается разъясняющая сжатый греческий текст формулировка: «Я избавил человечество от мыслей о приближающейся смерти. From thoughts of coming death I saved mankind». Такая версия лучше вписывается в узкий контекст и совершенно выпадает из контекста широкого — так как игнорирует «пророческую» коннотацию προδέρκομαι и исключает эту фразу из числа контекстов, раскрывающих мотив пророческого дара. Схожая формулировка «I stopped men thinking of their future deaths» встречается и в сравнительно недавнем переводе (Jonston 2012).

προειδότας αὐτοὺς τὸν θάνατον: νῦν γὰρ προΐσασι. τοῦτο μὲν οὖν καὶ δὴ εἴρηται τῷ Προμηθεΐ [523ε] ὅπως ἂν παύσῃ αὐτῶν «Люди не должны больше знать дня своей смерти наперед, как теперь. Это надо прекратить, и Прометею уже сказано, чтобы он лишил их дара предвидения (Пер. С. Маркиша).

Тут удивительно и то, что люди, жившие, по заявлению самого же эсхилового Прометея (447–453), в полном невежестве, тем не менее знали свою судьбу, и то, что Прометей гордится тем, что их от этого избавил, а потом сообщает, что одарил их искусством прорицаний, причем в перечне даров Прометея людям (457–470; 476–505) описание различных видов мантики — по снам, птицам, жертвенным внутренностям и дыму — занимает приблизительно половину (484–499). Опора для такого понимания παύω — видимо, весьма специфическое сочетание этого глагола с инфинитивом с μή, отмеченное в словаре (LJS) еще в трех контекстах помимо нашего. В одном из них, у Платона, (R. 416 с ἥτις μήτε τοῦ φύλακας ὡς ἀρίστους εἶναι παύσει) μήτε является скорее отрицанием при παύω, а вот два других (у Аристофана с винительным с инфинитивом (Ach. 634 παύσας ὑμᾶς ξενικοῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατᾶσθαι) и у Фукидида с субстантивацией инфинитива (7. 53 παύσαντες τὴν τε φλόγα καὶ τὸ μὴ προσελθεῖν ἐγγὺς τὴν ὀλκάδα)) могут быть истолкованы схожим с эсхилевским контекстом образом: ‘помешать что-либо сделать’. Однако μή в таких случаях обуславливается субстантивацией (The Cambridge Grammar of Classical Greek 51.36), а при παύω в большинстве контекстов ставится «чистый» инфинитив без μή (ibidem, note 1).

Таким образом, фраза и с точки зрения синтаксиса, и с точки зрения контекста предстает загадочной. Не менее странно и разъяснение, как именно было обеспечено μὴ προδέρκεσθαι (что бы оно ни значило), в следующей реплике Прометея: τυφλὰς ἐν αὐτοῖς ἐλπίδας κατῴκησα «Я поселил в них слепые надежды». Как мы помним, тема надежды — один из элементов мифологема Прометея у Гесиода: подаренная Эпиметею Пандора, как рассказывается в ст. 94–99 поэмы «Груды и дни», сняла крышку с пифоса, в котором содержались различные несчастья и беды, и только надежда не успела вылететь наружу, потому что, по воле Зевса, Пандора захлопнула крышку и оставила надежду внутри сосуда («οὐδὲ θύραζε/ἐξέπτῃ πρόσθεν γὰρ ἐπέλλαβε πῶμα πίθοιο/[αἰγίοχου βουλῆσι Διὸς νεφεληγερέταο.]). Возможно, эту фразу эсхилового Прометея следует считать аллюзией на версию мифа у Гесиода, имплицитно подчерки-

вающей противостояние Зевса и Прометея (один забрал надежду, другой дал).

Драматическое добавление, принадлежащее Эсхилу — сцена с Ио — дает возможность вставить в повествование пророчество об освобождении Прометея от страданий с помощью потомка Ио. Но и здесь есть некое противоречие: это пророчество — не результат дара предвидения героя, а предсказание, полученное им от матери (873–4 τοιόνδε χρησμόν ἢ παλαιγενῆς μήτηρ ἐμοῖ διήλθε Τιτανίς Θέμις). При этом собственное пророчество Прометея, о грядущем сокрушителе Зевса (907–927), оказывается нереализованным.

Итак, у Гесиода Прометей скорее хитрый, чем мудрый, и его «прозорливость» проступает только на фоне «не-мудрости» Эпиметей. В свете этого гипотеза Кереньи (Kerényi 2021: 66) об изначальном единстве Прометея и Эпиметей не кажется такой уж парадоксальной. Возможно, Гесиод опирался на пласт мифологических представлений, в котором существовали парные божества, отвечающие за процесс мышления, ориентированный на перспективу и на ретроспективу, и в образах Прометея и Эпиметей сохранились рефлексы этого мифологического представления. С другой стороны, эти представления могли возникнуть и развиться в греческой мифологии как толкование имени героя, никак не связанного со его исходной ролью похитителя огня. Это возвращает нас к довольно давней версии, связывающей имя Прометея не с «ментальной» лексикой, а с санскритским *pramantha* (प्रमन्थ) «палочка для добывания огня»¹⁵. Учитывая, что изобретателем такой палочки Прометея называет Диодор Сицилийский (5. 67), версия выглядит вполне правдоподобной. Другая версия — еще один предпологаемый для этимологии имени Прометея индоевропейский корень *math-*, со значением «красть», утраченный в греческом, был «подменен» корнем с ментальным значением, что и привело к толкованиям Гесиода и его последователей (Jackson 2002: 85; Narten 1969). *Так мы приходим к лингвистическому обоснованию развития мифологемы от кражи огня к «промышлению» Прометея и «не-промышлению» Эпиметей у Гесиода и к пророческому дару героя у Эсхила.* «Ментальный» элемент мифологемы Прометея оказывается актуальным и

¹⁵ Эту версию, восходящую к трудам индолога Макса Мюллера, дает словарь Брокгауза и Евфрона и Роберт Грейвс (Graves 1992: 105).

активно развивающимся именно в силу своей новизны в греческой культуре.

Мотив пророческого дара появляется в «Прикованном Прометее» и раскрывается непоследовательно и даже противоречиво как в отношении пророчеств самого Прометея, так и в отношении навыков, которыми он одаривает людей. Дар предвидения Прометея — это развитие предполагаемой этимологии его имени, но в ином ключе, чем у Гесиода и Пиндара. Эта противоречивость показывает, что представления о пророческом даре героя находятся в стадии формирования и подчиняются логике развития сюжета драмы, а возможно, и целой трилогии. Одновременно мотив пророческого дара нужен трагику, чтобы обосновать будущее примирение Прометея и Зевса (а сам факт связного трилогического строения является, хоть и косвенным, но подтверждением авторства Эсхила в отношении «Прометея прикованного»¹⁶). Эпиметей оказывается Эсхилу не нужен.

У Платона можно обнаружить осмысление обеих литературных версий мифа — и эпической, и трагической. Приведенный выше фрагмент из «Горгия» демонстрирует попытку рационалистического объяснения реплики трагического Прометея об избавлении людей от «предвидения». В «Протагоре» (320–322) мы видим и гесиодовское противопоставление Прометея и Эпиметея (Эпиметей, вызвавшись наделять живых существ различными способностями, забыл о людях, будучи не очень мудрым *οὐ πάνυ τι σοφὸς ὦν ὁ Ἐπιμηθεὺς ἔλαθεν* 321 b), и это вынудило радеющего о людях Прометея украсть огонь), и противостояние Прометея и Зевса, обретающее черты дуализма: Прометей заботится о людях «по-эсхиловски», а Зевс — «по-гесиодовски» (дает им «стыд» (*αἰδῶ*) и «правду» (*δίκην*) (322c)).

Эллинистическая и позднеантичная традиция ученого осмысления мифологических сюжетов и литературных произведений, воплощенная в схолиях, дает и рационалистически-логические, и аллегорические версии толкования. Именно в схолиях

¹⁶ Это приводит нас к вопросу об авторстве Эсхила, начало которому положено в работе Вильгельма Шмида 1929 года, где приводится огромное количество филологических аргументов против эсхилевского авторства дошедшего до нас «Скованного Прометея» (это — отдельный и, видимо, вечный вопрос классической филологии, бесконечный источник филологических изысканий на самых разных уровнях — от фонетики и лексики до уровня идейно-образного). См. (Musbahova 2013).

оформляется лексическое противопоставление братьев как «знающего наперед» и «осознающего после» (возможно, представляющее собой пример позднейшего осмысления догреческого мифа) и появляется метафорическое толкование их образов: огонь — это знание, а Прометей — это ум человека (схолии к «Прометею прикованному» 120 а (Herington 1972: 92). Схожую идею можно увидеть в восходящих к неоплатонической школе схолиях к «Теогонии» (Flach 1876: 122): образы Прометея и Эпиметея трактуются как символы двойственности ума, сочетающего в себе заботу о будущих делах и осознание прежних ошибок. Анализ схолиев позволяет предположить, что за расхожим сюжетом мы можем увидеть сложную религиозно-мифологическую традицию, отраженную в литературе лишь частично.

Литература

- Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris.
- Di Gregorio (ed.). 1975: *Scholia vetera in Hesiodi Theogoniam*. Di Gregorio. Milano.
- Dougherty, C. 2006: *Prometheus*, New York: Routledge.
- Drachmann, A. B. 1903–1927: *Scholia vetera in Pindari carmina*, 3 vols., Leipzig: Teubner.
- Emde Boas, E van., Rijksbaron, A., Huitink, L., Bakker, M. de. 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. CUP.
- Flach, J. L. M., Flach, H. 1876: *Glossen und Scholien zur hesiodischen Theogonie: mit Prolegomena*. Leipzig
- Graves, R. 1992: *Mify Drevnej Grecii [The Greek myths]*. Moscow. Progress.
- Грейвс, Р. 1992: *Мифы Древней Греции*. М.: Прогресс.
- Griffith, M. 1977: *The Authenticity of Prometheus Bound*. CUP.
- Herington, C. J. (ed.). 1972: *The Older Scholia on the Prometheus Bound*. Series: Mnemosyne, Supplements, Vol. 19.
- Herington, C. J. 1970: *The Author of the Prometheus Bound*. University of Texas Press.
- Jackson, P. 2002: Light from Distant Asterisks. Towards a Description of the Indo-European Religious Heritage. *Numen*. 49 (1), 61–102.
- Jonston, I. 2012: *Aeschylus. Prometheus Bound*. Translated by Ian Johnston. Vancouver Island University, Canada.
- Kerényi C. 2021: *Prometej: arhetipickij obraz chelovecheskogo sushchestvovaniya [Prometheus: Archetypal Image of Human Existence]*. Moscow.
- Kastaliya. Кереньи К. 2021: *Прометей: архетипический образ человеческого существования*. М: Касталия.

- LSJ — Liddell, H. G., Jones H. S., Scott R., McKenzie R. *A Greek-English Lexicon*. Clarendon Press, 1996.
- Losev, A. F. 1995: *Problema simvola i realističeskoe iskusstvo [The problem of the symbol and realistic art]*. Moscow.
Лосев, А. Ф. 1995: *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство.
- Murrey, G. 1931: *Prometheus bound*: Translated into English rhyming verse with introduction and notes by Gilbert Murray. George Allen & Unwin Limited.
- Musbahova, V. T. 2013: *Prometej prikovannyj: problema avtorstva i datirovke tragedii [The Prometheus Chained: the problem of authorship and the dating of the tragedy]*. SPb, Nestor-istoriya.
Мусбахова В.Т. 2013: *Прометей прикованный: проблема авторства и датировке трагедии*. СПб, Нестор-история.
- Narten, O. 1960: *Das vedische verbum math. Indo-iranian journal*, No 4, 121–135.
- Petrusi, A. (ed.). 1955: *Scholia Vetera in Hesiodi Opera et Dies*. Milan: Società Editrice «Vita e Pensiero».
- Pierron, A. 1868: *Théâtre d'Eschyle*. Paris, Charpentier.
- Pokorny, J. 1969: *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. French & European Publications.
- Smyth, H. W. 1926: *Aeschylus*. With an English translation by Herbert Weir Smyth, Ph. D. in two volumes. 1. *Prometheus Bound*. Harvard University Press.
- Thoreau, H. D. 2015: *Prometheus Trilogy: Prometheus Bound Translated by Henry David Thoreau with Fragments and Descriptions of Prometheus Unbound and Prometheus the Fire Bearer*. (first ed. 1843) Wecklein N., Siegel Ch. (eds). Omo Press
- Valk, M. van der (ed.). 1976: *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes*, vols. 2, Leyden: Brill.
- West M. L. 1979: The Prometheus Trilogy. *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 99, 130–148.
- West, M. L. 1990: The Authorship of the Prometheus Trilogy. *Studies in Aeschylus*. Stuttgart, Teubner, 51–72.
- Yarho V. N. 1989: [At the turn of two eras] In: *Eskhil. Tragedii*. [Aeschylus. Tragedies] Moscow. Nauka.
Ярхо, В. Н. 1989: На рубеже двух эпох. В кн.: Эсхил. Трагедии. М., Наука.
- Yung, K. G., Kerényi, K. 1997: [On the mythologeme. Introduction to the essence of mythology]. In: K. G. Yung. *Dusha i mif: shest' arhitipov*. [Soul and myth: the six archetypes]. Moscow.
Юнг, К. Г., Кереньи К. 1997: О мифологеме. Введение в сущность мифологии. В кн.: Юнг, К. Г. *Душа и миф: шесть архитипов*. М.